
Отправляясь почтой: японское обещание Жака Деррида

© 2020 г. А.П. Беляев^{1*}, Я.Г. Янпольская^{2**}

¹ Институт классического Востока и Античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3.

² Российский государственный гуманитарный университет, философский факультет, Москва, 125993, ГСП-3, Миусская площадь, д. 6.

*E-mail: apbelyaev@hse.ru

**E-mail: iana.ianpolskaia@gmail.com

Поступила 25.11.2019

В статье предпринята попытка двунаправленного анализа «японского следа» в философии Деррида: ее рецепция в Японии, с одной стороны, и тематизация Японии в ней – с другой. Авторы, в частности, объективируют обстоятельства написания «Письма к японскому другу»: форму, повод, адресацию отправления. Отдельное внимание уделяется переводу «деконструкции» на японский язык: сопоставляются два варианта перевода, предложенные Юра Кимиёси и Маруяма Кэйдзабуро, а также рассматривается контекст первой (японоязычной) публикации «Письма». В статье представлен критический обзор как академической, так и широкой рецепции «философии деконструкции» в Японии. Прослеживается хронология встреч Деррида с Японией как «местом мысли и письма»: от «токийской одиссеи» (1984 г.) до полемики с японскими докладчиками на ANY-конференции в Юфуине (1992 г.). На материале текстов «Ulysse gramophone», «Faxitexture» и др. анализируется дерридеанский способ концептуализации японского с опорой на концепты «случайности», «инсулярности», «предъявленности», «происшествия» и «заместимости». Авторы также акцентируют внимание на роли *обещания*, ответа на зов в интеллектуальной биографии Деррида и предлагают рассматривать имплицитные, но оставшиеся не актуализированными им перспективы исследования – в частности, обращение к ориентальному письму в рамках масштабной дерридеанской концептуализации письма – в качестве своего рода «обещания» и продуктивного направления мысли.

Ключевые слова: Жак Деррида, Идзуцу Тосихико, Япония, деконструкция, перевод, письмо, алеаторность, инсулярность, заместимость, обещание.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–2–145–157

Цитирование: Беляев А.П., Янпольская Я.Г. Отправляясь почтой: японское обещание Жака Деррида // Вопросы философии. 2020. № 2. С. 145–157.

Setting Off by Mail: Japanese Promise of Jacques Derrida

© 2020 Aleksandr P. Belyaev^{1*}, Iana G. Ianpolskaia^{2**}

¹Institute for Oriental and Classical Studies of National Research University
“Higher School of Economics”, 21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.

²Russian State University for the Humanities, Faculty of Philosophy,
6 Miusskaya sq., Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation.

*E-mail: apbelyaev@hse.ru

**E-mail: iana.ianpolskaia@gmail.com

Received 25.11.2019

An attempt to be taken in the current paper can be considered as two-way analysis of the “Japanese trace” in the philosophy of Jacques Derrida: its reception and accommodation in Japan, first, and the maturation of Japan in it, second. Definitely speaking, authors objectify the circumstances among which “Letter to a Japanese Friend” was written: its form, reason, addressing. Special attention has been paid to the problem of translation of “deconstruction” into Japanese (two variants of translation, presented by Yura Kimiyoshi and Maruyama Keizaburo, are considered), and to the context of the first publication of the “Letter” (in Japanese). Also a critical view of academic and more widespread acceptance of “deconstruction philosophy” in Japan is presented. The chronology of Derrida’s meeting with Japan as “the place of thinking and writing” is traced from “Tokyo Odyssey” (1984) up to the polemics with Japanese speakers at ANY-conference in Yufuin (1992). The analysis of Derridean way of conceptualisation of *Japanese* (“thinking Japanese”) is based on such texts as “Ulysse gramophone”, “Faxitexture” etc. and is dealing with such concepts as “aleatory”, “insularity”, “exposition”, “adventure”, etc. Furthermore, authors are focused on the role of *promise*, an answer to a call (voice) in Derrida’s intellectual biography and encourage to discover implicit but also possible perspectives of investigation – like oriental letter-writing, which can be a part of “derridean ecriture macro-project” – as sort of a promise and productive way of thinking.

Keywords: Jacques Derrida, Japan, deconstruction, translation, ecriture.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–2-145-157

Citation: Belyaev, Aleksandr P., Ianpolskaia Iana G. (2020) “Setting Off by Mail: Japanese Promise of Jacques Derrida”, *Voprosy filosofii*, Vol. 2 (2020), pp. 145–157.

В начале, в принципе, была почта...¹

Жак Деррида

Так случилось, что в интернациональном многоголосье «философии деконструкции», прочно связанной с именем Жака Деррида, есть и японское звучание. Точнее, не звучание, а *запись*: письмо и переписка, перепись и переписывание, перевод и ретрансляция.

«Деконструкция» как ход Деррида разворачивается в интервале с конца 1960-х вплоть до физической смерти ее автора. Впервые в качестве исследовательской задачи «деконструкция» возникает в «Голосе и феномене» применительно к понятию конституирующей субъективности у Гуссерля². Затем, неизменно соседствуя с другими концептами-

неологизмами Деррида (фармакон, различание-диферанс, след, диссеминация и др.), оно – опять же, как ход – присутствует в большинстве работ философа.

С начала 1980-х «деконструкция» начинает свой «гастрольный тур» [Петерс 2018, 421], в ходе которого с неизбежностью претерпевает серию утрат и возмещений, трансформаций «исходного» понимания, заложенного автором. О судьбах и рецепциях деконструкции Деррида часто размышляет в поздних интервью: «Есть целая история “деконструкции” во Франции и за рубежом, насчитывающая более тридцати лет. Этот ход – не называю его “метод” – изменил, сместил и усложнил то изначальное понятие, стратегии и стили, которые уже и сами по себе варьировались при переходе от страны к стране, от автора к автору и от текста к тексту. Разнообразие, заданное деконструкцией, не сводится ни к философии, ни к учению, ни к методу, ни к доктрине, но, как я повторял не раз, к некоторой *невозможности* – невозможности как *того, что случается*» [Derrida 2001, 368–369]. Предпосылки «философии деконструкции» легко обнаружить в текстах Ницше и Фрейда, Лютера и Хайдеггера, на что сам же Деррида и указывает, добавляя: «Меня всё больше интересуют те очертания самой по себе деконструкции, которые не сводятся необходимым образом к лютеро-хайдеггеровской традиции. Может быть, именно это и отличает то, что я делаю, от того, что делали те, кто мне близок во Франции и за рубежом» [Ibid., 369]. С некоторых пор «деконструкция» прописывается в Америке: пик моды на нее пришелся на середину 1980-х [Петерс 2018, 525]. Там деконструкция приобретает инструментально-прикладной, текстологический характер, к чему Деррида относится критически, если не отрицательно (это не метод, не стратегия, не способ анализа текстов). Из Америки, в качестве «американского явления» деконструкция попадает в Японию. Сам Деррида неоднократно посещает Японию: в 1982, 1984 и 1991 гг. [Malabou, Derrida 1999, 238–246]. Французские постмодернисты в целом и Деррида в частности становятся невероятно популярны в Японии, возникает «бум» деконструкции, о котором можно судить по тиражам книг отдельных японских последователей и переводчиков Деррида.

Имеет смысл попытаться прояснить, в чем состоит специфика восприятия философии деконструкции Деррида в Японии, с одной стороны, а с другой – каков удельный вес «японского», «Японии», «токийского» и «Токио» в мысли и текстах самого Деррида. Стала ли для него Япония каким-то уникальным «местом мысли», особым событием жизни (письма, философствования), как, например, для Р. Барта [Барт 2004] или Ж. Лакана [Лакан 2012]? Каково место дерридеанских почтовых отправок в истории «обмена письмами» между европейскими и японскими мыслителями, берущей начало как минимум с Э. Гуссерля [Тагер 2018, 96] и М. Хайдеггера [Беляев 2016]?

«Письмо японскому другу» Деррида – текст, примечательный сразу в нескольких отношениях: как пример Письма-Деконструкции, осуществляемой в пространстве письма (*lettre*) о ней же самой; как один из множества типичных для Деррида текстов, написанных по просьбе, «на заказ», в качестве ответа на предложение со стороны Другого («друга»); наконец, как текст, предназначенный для перевода на японский и публикации в Японии. При этом собственно *японский* аспект и характер «обещания» почти никогда не достаиваются внимания исследователей³: адресат этого послания выпадает из поля внимания, равно как и обстоятельства – ситуация «заказного письма», сама его форма (в данном случае форма отправления, назначения, получения). Философская оптика, как правило, смещает внимание к так называемому «содержанию», «теме», «проблеме», то есть *смыслу* и существу дела в ущерб «несущественному» и «преходящему». Манифестом значимости средства, места и адресата – *куда*, *кому* оно было направлено, стала в свое время известная формула М. Маклюэна «The medium is the message» («Средство есть сообщение») [Маклюэн 2003]. При этом именно Жаку Деррида в «Почтовой открытке...» удалось в непрерывном и прерывистом открыточном *письме* возлюбленной ввести почтовый мир в мир мысли (Фрейд, Сократ, «платон») и, *vice versa*, *мыслить почтой*, если можно так выразиться [Деррида 1999a].

Примечательно, что обмен посланиями между французскими и японскими интеллектуалами начался раньше. В 1972 г. на страницах японского философского журнала «Paideia» развернулся спор между Деррида и Фуко⁴. Как и в случае с «Письмом японскому другу», ответ Фуко на критику Деррида был предназначен для публикации на японском языке и до этого не публиковался на языке оригинала. Однако в отличие от Деррида, который, как мы увидим, посвящает свое письмо проблеме перевода «деконструкции» на японский, Фуко использует сложившуюся ситуацию для прояснения концептуальных разногласий с оппонентом. В результате японская интеллектуальная общественность становится свидетелем актуального прежде всего для французов спора о природе *cogito* и безумия, а страницы японских философских изданий с этого момента еще не раз станут местом соседства Фуко, Деррида, их переводчиков и исследователей.

«Письмо японскому другу» адресовано профессору Идзуцу Тосихико и начинается оно с заявки на выполнение данного некогда обещания: «Во время нашей встречи я пообещал Вам выслать некоторые размышления – сугубо схематичные и предварительные – о слове “деконструкция”. Речь в целом шла о пролегоменах к возможным вариантам перевода этого слова на японский язык»⁵. Письмо в целом выглядит как набор рекомендаций будущему переводчику текстов Деррида и заканчивается надеждами на удачную судьбу слова «деконструкция» в японском языке. Встреча, о которой упоминает Деррида в начале письма Идзуцу, произошла 10 июля 1983 г. в Париже⁶, о чем мы узнаем из японской версии текста. Ни русская, ни английская, ни оригинальная версии фактологической информации не содержат. Эта купюра придает письму статус программной статьи, эксплицирующей суть деконструкции. Тогда как японский вариант сохраняет – за счет указания на время и место – статус корреспонденции. Скрупулезность в отношении датировок, которая для японцев представляется повседневной нормой, присуща и Деррида; см., например: [Деррида 2012б].

Перевод «Письма...» был опубликован в апрельском номере 1984 г. журнала «Сисо» («Мысль») под заголовком «Что такое деконструкция?» [Деррида 1984]⁷, а переводчиком вопреки ожиданиям и исходному плану выступил Маруяма Кэйдзубуро, лингвист-франкофон, получивший у себя на родине прозвище «японский Соссюр».

Реальный адресат письма, профессор Идзуцу Тосихико – один из самых выдающихся интеллектуалов Японии XX в., лингвист, философ, полиглот, религиовед, специалист по исламу, исламской метафизике и исламо-ориентированному традиционализму. Его труды хоть и сопоставляют с «постмодернизмом Деррида», но сходство здесь скорее номинальное: интерес к древнееврейской метафизике и к сближению философии с лингвистикой. При том что «удельный вес» обоих авторов и их наследия вполне сопоставим, «Письмо...» адресовано автору более старшего поколения, философу с уже сложившейся системой. В сравнительном исследовании Идзуцу «Суфизм и даосизм» дерридеанская деконструкция представлена в качестве аналога мистического опыта ислама, буддизма, даосизма и христианства. Идзуцу полагает, что описываемый Деррида опыт деконструкции воспроизводит опыт приостановки сознания, крушения смысла и постижения ничто, лежащего за устойчивым образом реальности [Nakamura 2009; Shariati 2016]. Подобная универсалистская аисторичная трактовка далека от интуиции Деррида, который постоянно (в том числе и в самом тексте «Письма...») предостерегает от понимания деконструкции в духе апофатического богословия или негативистской метафизики⁸.

Дерридеанское послание проникнуто проблемой перевода. Перевод и деконструкция – фактически синонимы. Хайдеггеровский *Destruction*, наследующий гуссерлевскому *Abbau*, переводится у Деррида на французский как «*Déconstruction*» [Courtine 2007]. В «Письме...» Деррида подчеркивает, что преследовал цель точно передать значение хайдеггеровского понятия, но не сместить его смысл. Ситуация перевода, как показывает Деррида, с неизбежностью предполагает *différance* и деконструкцию,

более того: «Даже в пространстве “моего”, так сказать, языка есть темная проблема перевода всего того, что может подразумеваться в разных ситуациях под этим словом, с одной стороны, и его первоисточником и принятым его употреблением – с другой. Кажется очевидным, что даже внутри французского языка вещи меняются в зависимости от контекста» [Derrida 1985]. Идзуцу же, стремясь постулировать структурную гомологию французского деконструктивизма с мистическими доктринами Востока, игнорирует их различие – историческое, концептуальное, методологическое – и с легкостью «переводит» одно в другое методом универсализации. Парадоксальным образом адресат оказался чужд той ключевой интуиции, которой посвящены важнейшие строки «Письма...»: «Не думаю, что перевод – это вторичное и производное событие по отношению как к языку источника, так и к языку оригинала. И, как я только что отметил, слово “деконструкция” по сути своей замещает рядом других слов. То же возможно сделать и при переносе его из одного языка в другой. Удачей (этой) деконструкции в японском языке стало бы обретение или изобретение другого слова (того же и другого) для выражения той же самой вещи (той же и другой), чтобы можно было говорить о деконструкции, длить ее, писать и переписывать. Слова, которое красивее, помимо прочего» [Ibid.]. Очевидно, что речь идет не о переводе «текста в текст» и не о поиске структурного подобия, но о ключевой, онтологической проблеме *выражения* (в экзистенциально-феноменологическом значении, какое придавал ему М. Мерло-Понти). «Письмо» (*écriture*), «след» (*trace*), «дифферанс» (*différance*), «восполнение» (*supplément*), «гимен» (*hymen*), «фармакон» (*pharmakon*), «поле/край» (*marge*), «почин» (*entame*), «парергон» (*parergon*) – весь этот ряд Деррида предлагает использовать в качестве множества слов, *выражающих* деконструкцию [Ibid.].

Задача «переписать красивым словом по-японски» иноземное понятие ставит переводчика перед выбором. Японский язык предоставляет ему две стратегии (третья стратегия – перенос слова «в готовом виде», то есть в орфографии языка оригинала – тривиальный ход, не имеющий сугубо японской языковой специфики и обычно не рассматриваемый в разговоре о переводе, но в данном случае он выступает в особой роли, о чем ниже). Первая наиболее проста и употребима: передать любое заимствованное слово на японский азбукой *катакана*⁹. Вторая стратегия допускает некоторую вариативность, поскольку предполагает подбор китайских иероглифов: в результате японский лексикон пополняется неологизмами. В первом случае заимствуемое, переводимое слово «навсегда» получает паспорт «иностранца», хоть оно и записывается японскими буквами (причем в силу того что алфавит слоговой, в нем лишь приблизительно передается звучание слова в том языке, откуда оно заимствуется). Во втором случае иностранное слово как бы «одомашнивается», прописывается в японской идиоме (в определенном ее сегменте, например в научном дискурсе), но при этом с неизбежностью формально китаизируется¹⁰. Все указанные стратегии случились в японском переписывании «деконструкции».

1. Катакана. *ディ コンストラク シ ョ ン*, читается «*диконсукторакусён*». Такой способ передачи явно указывает на англоязычный источник происхождения понятия: японское чтение отдаленно напоминает чтение слова *deconstruction* в английском (американском) языке. Катаканой записывает это слово Томяма Такао [Томяма 1984], один из японских переводчиков Жака Деррида, а также американских филологов-деконструктивистов Джонатана Каллера и Поля де Мана.

2. Иероглифы. В японских переводах мы обнаруживаем два варианта передачи слова «деконструкция» иероглифами. Наиболее частотный и «легитимный» вариант пишется тремя иероглифами (脱構築) и читается «*дацукотику*». К корнесложному слову «*котику*», которое означает «сооружение, строительство, конструкция», прибавлен иероглиф «*дацу*». В составных словах он выступает в качестве префикса «де-» или «пост-», то есть данный переводной эквивалент по своему грамматическому строю близок переводимому слову. Сам по себе иероглиф «*дацу*» (脱) имеет значения «снимать (обувь), удалять, освобождаться, уходить, спасаться, избегать» и пр.

Считается, что вариант *дацукотику* для перевода «деконструкции» предложил японский филолог, переводчик, специалист в области английской литературы Юра Кимиёси [Ёмота 2007, 152].

Маруяма Кэйдзабуро, переводчик «Письма...» Деррида, предлагает вариант «*кайтай-котику*» (解体構築) и настаивает на своей альтернативе. В данном случае перед нами сложное слово из четырех иероглифов, точнее, два корнесложных слова рядом. Первое, «*кайтай*», переводится как «разборка, демонтаж, слом, снос (здания), роспуск, расформирование, распад, вскрытие, анатомирование, разделка (туши), дезорганизация, дезорганизованный, неорганизованный, беспорядочный». Иероглиф «*кай*» (解) сам по себе значит «развязывать, распутывать, решать (задачу), понимать и пр.»; иероглиф «*тай*» (体) – «тело (организм), стиль, вещество, субстанция, объект». Второе корнесложное слово, «*котику*» (構築), означает «сооружение, строительство, конструкция». Таким образом, два слова японского языка, поставленные рядом, создают композит; русскоязычная калька могла бы звучать как «разборка-сборка», «сборно-разборный». Китайский перевод «деконструкции» записывается иероглифами 解構 (читается «*цзегоу*») ¹¹, то есть китайское слово складывается из первого и третьего иероглифа неологизма, предложенного Маруямой. Впрочем, альтернативе Маруямы не было суждено потеснить вариант Юра Кимиёси: «*дацукотику*» так и остался более расхожим вариантом перевода (способом записи) «деконструкции», чем «*кайтайкотику*».

3. Латиница. *Déconstruction*. Слово переносится в своем исходном виде. Такое написание используется, когда японскому автору важно подчеркнуть именно франкофонность слова, причем за различие с английским заимствованием отвечает всего одна буква «é» (аналогично легендарному прецеденту с *différance*). Словом *déconstruction* в его исходной форме пользуется Идзуцу Тосихико в статье о письме (*écriture*) у Деррида [Идзуцу 1984].

В настоящее время в японском узусе «победивший» иероглифический вариант перевода слова «деконструкция» (脱構築, *дацукотику*) используется как применительно к дерридеанской деконструкции, так и в более широком контексте. Запись катаканой отсылает скорее к «деконструкции» в широком смысле, нежели в дерридеанском. В грамматической структуре японского слова «*дацукотику*» явно виден тот же негативистский шлейф, об опасности которого предупреждал Деррида в «Письме...». В частности, он обращает внимание на то, что это «не слишком удачное слово», сослужившее службу в строго определенном контексте, имело характер двунаправленного жеста: «Деконструировать – вполне структуралистский жест, во всяком случае, он подтверждает некоторую необходимость структуралистской проблематики. Однако этот жест – также и антиструктуралистский; своей судьбой во многом он обязан этой двойственности. Речь шла о разбирании, раскладывании и разъединении структур (структур каких бы то ни было: “фоноцентричных”, лингвистических, “логоцентричных”...)» [Derrida 1985]. Деррида признает, что «деконструкции» не удалось объединить оба заложенных в ней значения – события деструкции и события реконструкции – прежде всего в силу грамматического строя самого слова: «Не разрушать, скорее, но понять, прежде всего, как именно сформировалось то или иное из “единств”, и с этой целью воссоздать его, реконструировать. И все же отрицательное впечатление возникло и осталось, смягчить его не просто уже потому, что оно слышится в самой грамматике этого слова, хотя приставку “де” стоило бы понимать в значении генеалогии, а чем разрушения. Вот почему – по крайней мере, взятое в отдельности – само по себе слово “деконструкция” меня лично не удовлетворяло никогда» [Ibid.]. Стоит оценить глубину интерпретации, продемонстрированную Маруямой Кэйдзабуро, предложившим альтернативное слово «*кайтайкотику*». Этот вариант точнее отражает дерридеанский «сбор-разбор» (по удачному выражению Ж.-Ф. Куртина – «коррекция деструкции», «восстановление разрушения» [Courtine 2007, 22]), который Деррида еще в «О Грамматологии» описывал следующим образом: «...деструкция, но не разрушение, а фильтрация, деконструкция значений,

укорененных в логосе» [Derrida 1967, 21]. В таком случае, пожалуй, именно вариант Маруямы стоило бы считать той удачей, на которую уповал в своем «Письме...» Деррида.

Содержание номера, в котором был опубликован перевод «Письма...» (это был специальный выпуск под названием «Преодолевающий структуризм»), демонстрирует осведомленность японских исследователей относительно философии деконструкции. Статья «японского друга», профессора Идзуцу Тосихико, посвященная понятию письма (*écriture*) у Деррида, открывает номер¹². Сам Деррида помимо «Письма...» представлен еще двумя текстами: «Глаз университета и наблюдаемый: “законодательная база” и понятие университета»; «Преподавать философию: наставник – художник – государство (нация). Отталкиваясь от Канта и Шеллинга». Их сопровождают статьи японских исследователей постструктурализма: Кумэ Хириси «Метафора и различие: Деррида, Хайдеггер, Рикёр»; Томияма Такао «Феномен деконструкции»; Такэути Ёсиро «В направлении современной философии: феноменология, структурализм, постструктурализм» и т. д. Название всему номеру дала статья всё того же Маруямы Кэйдзабуро в соавторстве с Хиромацу Ватару под названием «Преодолевающий структуризм: знак, смысл, объект»; его же авторству принадлежит статья «Демонтаж современной семиотики». Кроме того в этом выпуске снова состоялась «встреча» Деррида и Фуко. Последний представлен текстом «Субъект и власть», который обрамляют тексты Хейдена Уайта («Декодируя Фуко: записки из подполья») и Утида Рюдзо («Фукианский телескоп»). Но и в плане широкой рецепции дерридеанскому деконструктивизму сопутствовала удача. Увидели свет многочисленные работы, так или иначе апеллирующие к «деконструкции», среди которых стоит выделить книги: «Деррида. Деконструкция» [Такахаси 1998]; «Современная французская философия» Кумэ Хириси [Кумэ 1998]; «Деконструкция истории» Ясуо Кобаяси [Кобаяси 2010]; «Деконструкция и справедливость» [Такахаси 2015]. Асада Акира и Каратани Кодзин считаются главными японскими «дерридеанцами», основателями движения «Новый академизм». Книга «Структура и сила» Асады Акиры [Асада 1983] стала в Японии настоящим бестселлером и была издана тиражом, превышающим тиражи книг самого Деррида [Odin 1990, 63]. Адзума Хироки, ученик Ясуо Кобаяси, испытавший влияния Асады и Каратани, опубликовал исследование о почтовых открытках Деррида под названием «Бытие, почта. О Жаке Деррида» [Адзума 1998], которому тоже суждено было стать бестселлером (продано несколько десятков тысяч экземпляров, в то время как перевод «Открытки...» Деррида на японский продавался тиражом не более двух тысяч экземпляров).

Деконструкция «прописывается» в Японии в 1982–1984 гг.; в это же время и Япония становится «местом мысли и письма» для Деррида. В отличие от Р. Барта или А. Леруа-Гурана [Leroi-Gourhan 2004] Деррида не посвятил Японии отдельных книг¹⁵, однако именно в связи (прямой или опосредованной) с Токио и Японией в текстах Деррида развивается «почтово-телеграфный» фантазм, а также тезис о переместимости – о том «где», «которое неважно где» (ANYwhere), о за-местимости пространства, места и архитектуры.

В 1984 г. Деррида находится в Токио и, по его собственному выражению, «рандомно колесит» [Derrida 1987, 61] по страницам-топосам «Улисса», готовясь приняться за написание доклада для предстоящей встречи «James Joyce Symposium» во Франкфурте. Мысли Деррида ведут его по кругу: Дублин – Итака – ...Токио? На первый взгляд, место его пребывания никак не вписывается в джойсовский круг городов. Однако, блуждая по закоулкам «Улисса» и Токио, Деррида наконец решается и, как «бутылка с письмом, брошенная в воду» [Ibid., 60], прибывает волной к пассажиру Джойса о «совпадении встреч» (*coincidence of meetings*): «К тому же тут наложились друг на друга встреча, беседа, танцы, драка, старый матрос...» [Джойс 2004, 553]. И «сразу же чуть ниже всплывает слово «Токио»: внезапно, словно неожиданная телеграмма или же словно газетный заголовок от «The Telegraph», лежащий под рукой у Блума...» [Ibid., 61]. «Большое сражение, Токио» – этот фрагмент заголовка газетных

новостей о ходе русско-японской войны, попавшийся на глаза Блуму и Деррида, становится условным стартом для дерридеанских «experiences in Tokyo» [Джойс 2004, 67]. Доклад Деррида, позднее опубликованный под заголовком «Улисс граммофон», начинается с записей слов, событий, мыслей, встреч и совпадений в Токио, «надиктованных на маленький карманный магнитофон» [Derrida 1987, 62]. В тексте «Улисс граммофон» Деррида признается, что думал одно время озаглавить последний «Почтовая открытка из Токио» [Ibid., 105], отсылая и критически возвращаясь к «Почтовой открытке от Сократа до Фрейда». Телеграф, телефон, граммофон, почтовое отправление – ключевая линия передач, вокруг которой выстраивается дерридеанская рефлексия об «Улиссе». По жанру – хоть Деррида и не отмечает этого – такая письменная алеаторная одиссея духа весьма напоминает японский жанр *дзуйхицу*. Деррида сплетает свои размышления вокруг «Улисса», отрывки текста Джойса с тем, что спонтанно происходит с ним во время блужданий по Токио. Так, например, спустившись в книжный магазин одного из подземных этажей отеля Окура, он вдруг задумывается о сомнительности заявленной им темы предстоящего доклада: «...меня вдруг начинают посещать сомнения относительно уместности моего выступления о “да” в “Улиссе” перед собранием Joyce scholars, а также об актуальном состоянии джойсоведения, как вдруг в одном из бутиков подземных этажей отеля Окура, где я случайно оказался, взгляд мой падает – вот оно, coincidence of meeting – на книгу Масааки Имаи “16 способов избежать ответа нет”. Кажется, это была книга о торговой дипломатии. Говорят, правила вежливости у японцев требуют по возможности стараться избегать говорить “нет” даже в тех случаях, когда сказать “нет” им очень хочется. Как дать понять, что “нет”, когда хотя бы сказать “нет”, не говоря при этом “нет”? Как следует перевести “нет” в “да” и что значит “переводить”, когда речь идет об этой совершенно особой паре слов “да/нет”? – вот о каком вопросе я размышлял по пути к себе» [Ibid., 69]. Многократные «да», которыми Молли открывает и завершает свой знаменитый монолог, и в самом деле станут ключевыми в дерридеанской граммофонизации «Улисса». Однако то первое «да» – да случаю, алеаторности, событию, непреднамеренному совпадению, – с которого Деррида начинает свой доклад, он сравнивает с прыжком в воду и тут же дает ему имя: «Та непредвиденность, которой мне случилось сказать “да”, тем самым вовлекая вас в эту случайность, здесь получает имя собственное – Токио. Токио: входит ли он в западный круг, ведущий назад в Дублин или в Итаку?» [Ibid., 60]. Токио здесь – брошенное в море случайное событие острова. Остров-дитя, брошенный в воды «нашей нежной седой матери» [Джойс 2004, 9]. Объятость водами озер, морей и океанов, омывающих Джойса-Деррида и читателей этих *дзуйхицу*, позже будет осмыслена как *инсулярность* («островность») события.

На размышления об островной онтологии события Деррида вдохновляет Япония: конференция ANYwhere, которая проходит в июне 1992 г. в городе Юфуин¹⁴. В докладе, озаглавленном «Faxitecture», Деррида, среди прочего, рассуждает об инсулярности как об онтологической открытости страны-архипелага – Японии [Malabou, Derrida 1999, 238]. Одним из поводов для подобных размышлений становятся тезисы, которые выдвигают архитектор Исодзаки Арата и уже упоминавшийся философ Асада Акира: Япония как таковая и японская архитектура, в частности, ими представлены как синтез западной структуры вечности (хайдеггеровского «дома бытия») и номадического непостоянства Ближнего Востока. Эфемерная и вечная, номадо-оседлая, японская пространственность мгновенно рассыпается и вновь воссоздается, воплощая тем самым образ новейшего урбанизма, некоторой *avenir*-архитектуры (архитектуры настоящего), архитектуры переноса, места «где угодно» (ANYwhere) [Ibid., 238]. В противовес японским специалистам, пытающимся описать Японию и японское в стиле деконструктивизма, Деррида говорит о сингулярности архипелага, о том, что «остров» не предполагает «где попало» (anywhere) [Ibid.]. Тема пере-местимости и за-местимости как деконструкции (переноса, смещения акцента), заявленная как в «Письме...», так и в круге замещений городов и водоемов токийской одиссеи Деррида, здесь встречается с темой пространства как места возможности всякого места как такового,

которой будут посвящены его работы 1990-х гг. Опыт пространства – как «западный», так и «японский», замечает Деррида, всегда исходит из первичной заменяемости/замещаемости: «Не бывает размещения без замещения – или хотя бы замещаемости. Это никак не исключает той особы, в силу которой это место выделяется, напротив: словно она – эта особость – и есть то, что ему здесь *случилось заместить*, разместить в силу замещения... Иными словами, будь то пресловутая монументальная “субстанция” западной архитектуры или же пресловутая вечно вновь воздвигаемая “форма” японской архитектуры – она всегда выступает особым и воплощенным ответом бездне первичной замещимости, не знающей ни конца, ни начала» [Malabou, Derrida 1999, 240]. В этой полемике, как и в других подобных ситуациях, Деррида «отыгрывает к истоку» деконструктивистские построения сочувствующих ему ораторов, указывая на необходимость постановки под вопрос исходных оппозиций, в данном случае оппозиций содержания – формы, Запада – Японии, оседлого – кочевого и т. д. Местом дерридеанской речи о принципиальной замещимости пространства стал Юфуин, включенный в вереницу замещений громких «мест», по которым в течение десяти лет последовательно перемещается «ANYконференция» (Лос-Анджелес, Барселона, Париж, Нью-Йорк и др.). Один из островов архипелага, небольшой городок, название, знакомое не всякому японцу, входит, таким (случайным?) образом, в список крупнейших городов, мировых столиц. Сама идея ANYконференции словно бы воплощает юфуинские тезисы Деррида: Япония предстает топосом речи и письма о футуристической утопии, местом деконструкции и переписывания топического/утопического, возможного/невозможного.

Речь Деррида в Юфуине – пример «мышления Японией» в противовес «мышлению о Японии»¹⁵. Он не торопится видеть в японских островах заморскую мечту западного философа – «структуру, лишенную центра», «смысл без смысла» и пр., как это делал Барт в «Империи знаков». «Японское» словно бы вступает в мышление Деррида наряду и на равных с его же концептами – предьявленность, гостеприимство, случай, событие, дар. Сама инсулярность представлена им как граница с двух сторон, место встречи насилия с гостеприимством. Остров ни с чем не граничит, и он безоружен, «открыт со всех бортов и отдан всему, что с ним может случиться, войти (arriver) в его границы (“arrive”, “happen” – в значении прихода, но и вместе с тем и происшествия, события). Тело островитянина словно обороняется, но при этом оно предьявлено больше любого другого. Оно преподносит себя иностранцу, встречая его почтением и гостеприимством. Вместе с тем, оно противостоит иностранцу, опасаясь встретиться в его лице воинственного захватчика и колонизатора, и в этом проявляется отказ, закрытость, интровертность и враждебность. За исключением тех случаев, когда и сам чужак направлен вглубь себя и сожалеет о своей инаковости и противопоставленности» [Ibid., 238].

Подобных точек соприкосновения можно увидеть и больше. В «Диссеминации» Деррида так описывает один из своих субстанциальных и концептуальных инструментов, *фармакон*: «Семя, вода, чернила, живопись, ароматизированная краска» [Деррида 2007, 191]. Этот фармакон можно уподобить «веществу», гомологичному тому, которое выступает в синтоистском мифе, особенно если учесть коннотации «краски» в современном японском языке¹⁶. «Рождение» японских островов, согласно самому древнему японскому мифологическому памятнику «*Кодзики*», происходит подобно деторождению: первый остров сгущается из капель, упавших с драгоценного копыя, дарованного богам-демиургам Идзанами и Идзанаги; другие острова рождаются от совокупления этих богов. Диссеминирующая, текучая метафорика дерридеанского «фармакона» роднит и смешивает письмо, эрос и рождение архипелага. Это место, где смешиваются самые разные жидкости, самые разные составы, тексты, мифы, эпосы. Одиссея-Дерридеана в условиях японской инсулярности рождает «Улисс граммофон». Подобно Одиссею, герою-путешественнику, прародителю метафоры возвращения, своим именем Отвечающему на Зов, и сродни Джойсу, отвечающему зову древнегреческой и всей мировой культуры, истории и географии, Деррида отвечает на самые разные просьбы-

призывы своими письмами-выступлениями-обещаниями: на просьбу «японского друга» – письмом о деконструкции, на вызов японских интеллектуалов – докладом об архитектуре будущего. Тем более удивительно и прискорбно, что дерридеанская мысль о письме (*écriture*) не вступила в переписку с японскими письменными «каллиграфическими» следами.

Дерридеанский опыт всесторонней проблематизации письма (*écriture*), почтового письма (*lettre*) и подписи (*signature*) дает, на наш взгляд, возможность для осмысления японского (китайского) письма (書). Конституирование поля письма и акта графии [Гуссерль, Деррида 1996], теория письма (грамматология) [Деррида 2000], письмо как различие [Деррида 2012], как итерабельность и акт легитимации посредством подписи [Там же], письменные инструменты («палочка для письма», «тростинка», стилус) [Деррида 2007] последовательно становятся предметом мысли и письма Деррида. Однако до ориентального письма – до кисти – руки у него, в отличие от Барта, не доходят. Причины этого кружения «вокруг да около» ориентального письма – письменной практики, столь близкой Деррида структурно и графически, метафорически и жанрово, – тема отдельного исследования. Как и возможная реализация не ставшего дерридеанским обещания – концептуализации ориентального письма в свете дерридеанской деконструкции письма и за ее пределами.

Примечания

¹ См.: [Деррида 1999а, 49].

² Деконструкция, понимаемая как осуществимая невозможность, а значит необходимость, возникает в примечании, посвященном анализу гуссерлевской феноменологии внутреннего сознания времени. Речь идет о невозможности принимать гуссерлевскую идею конституирующей субъективности, о ее принципиальной конституируемости, в связи с чем Деррида заявляет: «Нет никакой конституирующей субъективности. Само понятие конституции должно быть деконструировано» [Derrida 1967, 94].

³ Отдельные упоминания о контактах Деррида с японскими коллегами можно найти в биографии Деррида Бенуа Петерса [Петерс 2018, 374]. В фундаментальном исследовании Н.А. Автономовой [Автономова 2011] японскому вопросу внимания не уделяется. Французский философ, последовательница Деррида К. Малабу, в 1999 году издает подборку текстов, посвященных путешествиям Деррида: двадцать третья глава ее книги – «Япон» – представляет собой «дайджест» выдержек из публикаций Деррида, в которых упоминается Япония [Malabou, Derrida 1999, 238–246]. В статье [Marinucci 2015, 520] автор недоуменно отмечает невнимание к японским обстоятельствам письма у подавляющего большинства исследователей этого текста.

⁴ «...редактор журнала Paideia Микитака Накано представил Фуко план специального номера, ему посвященного. Один из авторов собирается написать текст о «Дискурсе Фуко и письме Деррида», переведя по такому случаю «Когито и историю безумия»... Фуко... предлагает своему японскому визави добавить к номеру не издававшийся ранее его ответ Деррида» [Петерс 2018, 282]. Текст этого ответа в русском переводе см.: [Голобородько 2011, 148–176].

⁵ См.: [Derrida 1985] (https://redaprenderycambiar.com.ar/derrida/frances/lettre_ami.htm). Здесь и далее приводятся фрагменты текста Жака Деррида «Письмо японскому другу» в переводе Я.Г. Янпольской.

⁶ С весны 1982 г. и на протяжении 1983 г. Деррида активно участвует в создании Международного коллежа философии. Можно предположить, что встреча Деррида с Идзуцу в Париже могла быть как-то связана с этим международным философским начинанием.

⁷ Публикация на французском языке состоялась в середине октября 1985 г. в журнале «Le Promeneur» (номер XLII).

⁸ См. об этом также: [Деррида 2015, 71–134].

⁹ Катакана – один из двух японских алфавитов, используемый в основном для передачи заимствованных слов.

¹⁰ Подавляющее большинство иероглифов японского письма имеют китайское происхождение и связанные с ним коннотации: китайская ученость, язык науки, письменное-серьезное и пр., по аналогии с ролью латыни в средневековой Европе.

¹¹ Вероятно, взяты первый и третий иероглифы из японского слова «кайтайкотику» (возможно, здесь работает стандартная как для японского, так и для китайского языка стратегия сокращения-экономи).

¹² Так же, как и другие упомянутые тексты Идзуцу, данная статья демонстрирует стремление свети интуицию Деррида к недерридеанской метафизике: в данном случае тезис Деррида «нет ничего вне текста» рассматривается в горизонте Хайдеггера.

¹³ Исключением можно считать статью Деррида о фотографиях Кисина Синомы [Derrida 2010].

¹⁴ Конференция «ANYconference» проходит в течение десяти лет в разных городах мира, при этом ее название слегка меняется. 1991 г.: Anyone (Лос-Анджелес); 1992 г.: Anywhere (ЮФин); 1993 г.: Anyway (Барселона); 1994 г.: Anyplace (Монреаль); 1995 г.: Anywise (Сеул); 1996 г.: Anybody (Буэнос-Айрес); 1997 г.: Anyhow (Роттердам); 1998 г.: Anytime (Анкара); 1999 г.: Anymore (Париж); 2000 г.: Anything (Нью-Йорк).

¹⁵ Это в целом характерно для поздних разработок Деррида, где место, пространство и национальное переосмысливаются в связи с заместимостью и философской национальностью. Подробнее об этом см.: [Brazhnikova 2015].

¹⁶ Иероглиф/слово «иро» (色) – это и «нечто» в противовес «ничто», «форма/содержание/материя», противопоставляемые пустоте, и «цвет/краска», и связанное с этим состояние «в цвету» (в соку), откуда возникают коннотации эротического характера. Об этом понятии, среди прочего, идет речь в тексте М. Хайдеггера «Из диалога о языке. Разговор между японцем и спрашивающим».

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Барт 2004 – Барт Р. Империя знаков. Перевод с французского Я.Г. Бражниковой. М.: Праксис, 2004 (Barthes, Roland, *L'Empire des signes*, Russian Translation).

Гуссерль Деррида 1996 – Гуссерль Э., Деррида Ж. Начало геометрии. Перевод с французского и немецкого и послесловие М.А. Маяцкого. М.: Ад Маргинем, 1996 (Derrida, Jacques, *Introduction (et traduction) à L'origine de la géométrie de Edmund Husserl*, Russian Translation).

Деррида 1984 – Деррида Ж. Кайтайкотику то ва нани ка (сёкан) [Что такое деконструкция? (письмо)]. Перевод на японский Маруяма Кэйзабуро // Сисо: [Мысль]. 1984. № 4 (718). С. 19–29 (Derrida, Jacques, *What is deconstruction? (a letter)*, Japanese translation by Maruyama Keizaburo).

Деррида 1999а – Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только. Перевод с французского Г.А. Михалкович. Минск: Современный литератор, 1999 (Derrida, Jacques, *La carte postale. De Socrate à Freud et au-delà*, Russian Translation).

Деррида 1999б – Деррида, Жак. Голос и феномен. Перевод с английского С.Г. Калинина, Н.В. Су слов. СПб.: Алетейя, 1999. (Jacques Derrida. Speech and phenomena and other essays on Husserl's theory of signs: Russian Translation).

Деррида 2000 – Деррида Ж. О грамматологии. Перевод с французского Наталии Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000 (Derrida, Jacques, *De la grammatologie*, Russian Translation).

Деррида 2007 – Деррида Ж. Диссеминация. Перевод с французского Д.Ю. Кралечкин. Екатеринбург: У-Фактория, 2007 (Derrida, Jacques, *La dissémination*, Russian Translation).

Деррида 2012а – Деррида Ж. Поля философии. Перевод с французского Д.Ю. Кралечкин. М.: Академический проспект, 2012 (Derrida, Jacques, *Marges – de la philosophie*, Russian Translation).

Деррида 2012б – Деррида Ж. Шибболет. Перевод с французского В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2012 (Derrida, Jacques, *Schibboleth: pour Paul Celan*, Russian Translation).

Деррида 2015 – Деррида Ж. Эссе об имени. Перевод с французского Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2015 (Derrida, Jacques, *Sauf le nom*, Russian Translation).

Джойс 2004 – Джойс Дж. Улисс. Перевод с английского В. Хинкиса и С. Хоружего. СПб.: Симпозиум, 2004 (Joyce, James, *Ulysses*, Russian Translation).

Лакан 2012 – Лакан в Японии. Под ред. В. Мазина, А. Юран. СПб.: Алетейя, 2012 (*Lacan in Japan*, Russian Translations).

Маклюэн 2003 – Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человечества. Перевод с английского В.Г. Николаев. М.; Жуковский: Канон-пресс-И, Кучково поле, 2003 (McLuhan, Herbert Marshall, *Understanding Media: The Extensions of Man*, Russian Translation).

Derrida, Jacques (1985) "Lettre à un ami japonais", *Le Promeneur*, XLII, mi-octobre, pp. 2–4.

Derrida, Jacques (1987) *Ulysse gramophone*, Galilée, Paris.

Derrida, Jacques (2001) *Papier machine. Le ruban de machine à écrire et autres réponses*, Galilée, Paris.

Derrida, Jacques (1967) *La Voix et le phénomène*, PUF, Paris.

Derrida, Jacques (2010) "The Truth in Photography", *Oxford Literary Review*, Vol. 32, No. 2, pp. 169–188.

Leroi-Gourhan, André (2004) *Pages oubliées sur le Japon*, Jérôme Millon, Grenoble.

Malabou, Catherine, Derrida, Jacques (1999) *La Contre-allée*, La Quinzaine Littéraire – Louis Vuitton, Paris.

Ссылки – References in Russian and Japanese

- Автономова 2011 – Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011.
- Адзума 1998 – Адзума Хироки. Сондзайронтэки, ю:бинтэки – Дзякку Дэрида-ни цуйтэ [Бытие, почта. О Жаке Деррида]. Токио: Синтёся, 1998.
- Асада 1983 – Асада Акира. Ко:дзо: то тикара – киго:рон-о коэтэ [Структура и сила. Преодоление семиотики]. Токио: Кэйсосёбо, 1983.
- Беляев 2016 – Беляев А.П. Мартин Хайдеггер, «Из диалога о языке. Между Японцем и Спрашивающим» vs. Жак Деррида, «Письмо к японскому другу»: попытка понимания / История и культура традиционной Японии 9. М.: РГГУ; СПб.: Гиперион, 2016. С. 353–365.
- Голобородько 2011 – Голобородько Д.Б. Концепции разума в современной французской философии. М. Фуко и Ж. Деррида. М.: ИФ РАН, 2011.
- Ёмота 2007 – Ёмота Инухико. Сэнсэй то ватаси [Сэнсэй и я]. Токио: Синтёся, 2007.
- Идзуцу 1984 – Идзуцу Тосихико. Каку – Дэрида-но экуритю:рурон-ни тинандэ [«Писать»: о понятии *écriture* у Деррида] // Сисо: [Мысль]. 1984. № 4 (718). С. 2–18.
- Кобаяси 2010 – Кобаяси Ясуо. Рэкиси-но Диконсутроакусён – кё:сэй-но кибо:-э мукаттэ [Деконструкция истории: надежда на симбиоз]. Токио: Мирайся, 2010.
- Кумэ 1998 – Кумэ Хиросуи. Гэндай фурансу тэцугаку [Современная французская философия]. Токио: Синтёся, 1998.
- Петерс 2018 – Петерс Б. Деррида. Перевод с французского Д. Кралечкин. М.: Дело, 2018.
- Такахаси 1998 – Такахаси Тэцуя. Дэрида – дацукотику [Деррида – деконструкция]. Токио: Коданся, 1998.
- Такахаси 2015 – Такахаси Тэцуя. Дэрида – дацукотику то сэйги [Деррида – деконструкция и справедливость]. Токио: Коданся, 2015.
- Такер 2018 – Такер Ю. Звёздно-спекулятивный труп. Ужас философии, том II. Перевод с английского А.Ф. Иванов. Пермь: Гиле Пресс, 2018.
- Томияма 1984 – Томияма Такао. Диконсутроакусён гэнсё: [Феномен деконструкции] // Сисо: [Мысль]. № 4 (718). С. 75–93.

References

- Asada, Akira (1983) *Structure and Power. Beyond Semiotics*, Keysoshobo, Tokyo (in Japanese).
- Avtonomova, Natalia S. (2011) *The philosophical Language of Jacques Derrida*, ROSSPEN, Moscow (in Russian).
- Azuma, Hiroki (1998) *Being, Post. On Jacques Derrida*, Shinchosha, Tokyo (in Japanese).
- Belyaev, Alexander P. (2016) ‘Martin Heidegger, “A Dialogue on Language. Between a Japanese and an Inquirer” vs. Jacques Derrida “Letter to A Japanese Friend”: understanding attempt’, *History and culture of Traditional Japan* 9, RGGU, Moscow; Giperion, Saint Petersburg, pp. 535–365 (in Russian).
- Brazhnikova, Yana (2015) “Philosophical Nationality and Thinking in Language”, *Kronos Philosophical journal*, Vol. IV, pp. 200–206.
- Courtine, Jean-François (2007) “Un sombre problème de traduction”, *Revue de métaphysique et de morale*, Vol. 1 (53), pp. 21–31.
- Goloborodko, Denis B. (2011) *Concepts of Mind in Modern French Philosophy. Foucault and Derrida*, IF RAN, Moscow (in Russian).
- Izutsu, Toshihiko (1984) “To write”: On Derrida’s “écriture”, *Shisō*, Vol. 4 (718), pp. 2–18 (in Japanese).
- Kobayashi, Yasuo (2010) *Deconstruction of History. A Hope for a Symbiosis*, Miraisha, Tokyo (in Japanese).
- Kume, Hiroshi (1998) *Contemporary French Philosophy*, Shin’yosha, Tokyo (in Japanese).
- Marinucci, Lorenzo (2015) “A conversation and a letter. Heidegger, Derrida, and the (un)-translatable East”, *Open Linguistics*, Vol. 1, pp. 519–530.
- Nakamura, Kojiro (2009) “The Significance of Toshihiko Izutsu’s Legacy for Comparative Religion”, *Intellectual discourse*, Vol. 17/2, pp. 147–158.
- Odin, Steve (1990) “Derrida and the Decentered Universe of Chan/Zen Buddhism”, *Journal of Chinese Philosophy*, Vol. 17, p. 63.
- Peeters, Benoît (2010) *Derrida*, Flammarion, Paris (Russian Translation 2018).
- Shariati, Ehsan (2016) “L’ introduction d’ une etude comparative sur le role de Corbin et d’ Izutsu dans la philosophie contemporaine de l’ islam iranien: Analyse des motifs et des ressources, de Heidegger a Massignon”, *Journal of International Philosophy*, Vol. 7, pp. 40–49.
- Takahashi, Tetsuya (1998) *Derrida – Deconstruction*, Kodansha, Tokyo (in Japanese).
- Takahashi, Tetsuya (2015) *Derrida – Deconstruction and Justice*, Kodansha, Tokyo (in Japanese).

Thacker, Eugene (2015) *Starry Speculative Corpse [Horror of Philosophy, vol. III]*, Zero Books, Winchester (UK) and Washington (USA) (Russian Translation 2018).

Tomiyama, Takao (1984) "The Phenomenon of Deconstruction", *Shisō*, Vol. 4 (718), pp. 75–93 (in Japanese).

Yomota, Inuhiko (2007) *Sensei and me*, Shinchosha, Tokyo (in Japanese).

Сведения об авторах

БЕЛЯЕВ Александр Павлович –

старший преподаватель
Института классического Востока и Античности
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики».

ЯНПОЛЬСКАЯ Яна Геннадиевна –

кандидат философских наук, доцент философского
факультета Российского государственного
гуманитарного университета.

Authors' Information

BELYAEV Alexander P. –

Senior lecturer, Institute for Oriental
and Classical Studies of National Research
University "Higher School of Economics".

IANPOLSKAIA Iana G. –

CSc in Philosophy, assistant professor,
Division for Philosophy,
Russian State University for Humanities.